

ОТЗЫВ

Официального оппонента на диссертацию Заболотного Евгения Анатольевича на тему «История конфессионального разделения сирийского христианства и развитие христологии в IV-VIII веках», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)

Исследование истории восточного христианства в позднеантичный период в начале XXI в. стало одной из наиболее быстро развивающихся областей смежных историко-филологических штудий и знаний. Настоящий подъем сириологии и других областей исследования восточно-христианского мира как совокупности субкультур. При этом до сих пор отсутствует четкое разграничение дисциплинарного поля как между византистикой и исследованием восточного христианства, так и между конфессиональной историей («церковной историей») и светскими академическими исследованиями тех же явлений и памятников.

Представленное диссертационное сочинение ставит своей задачей проследить действие механизмов религиозного мышления сирийцев, приведших их в диссонанс с религиозным мышлением грекоязычных римлян («византийцев») в формативный период классической поздней античности. Хронологические рамки соответствуют, скорее, именно позднеантичному (IV-VI вв.), чем средневековому периоду. Работа написана в русле дореволюционной российской церковной истории (Болотов, Карташев, Бриллиантов и др., которых сам диссертант называет в очерке историографии).

Работа написана на хорошем, внятном научном языке, на материале источников, как греко-латинских, так и сирийских. Автор разбирается в современной научной литературе. Аргументация работы выстроена в рамках избранного метода вполне удовлетворительно. Автор показал умение работать со средневековыми источниками, а также понимание проблем критики текста и контекста.

Вместе с тем необходимо высказать несколько общеметодологических замечаний:

1. В названии заявлена тема «истории конфессионального разделения», однако в дальнейшем сам автор объясняет, что речь не пойдет об «истории

разделения» в строгом смысле, его задача – выяснить разные перипетии богословских концепций и споров внутри одного направления сирийского христианства – общины Церкви Востока на территории Сасанидского государства (Ирана, Ирака, Хорасана). В результате дисциплинарный фокус смещается, уходя от истории в историю идей и далее – в чисто теологическую область. Это вызывает сомнения в том, насколько постановка вопроса о теологической «правоте» (автор именно так ставит задачу – выяснить, насколько «гетеродоксально» было учение Церкви Востока. Но здесь кроется главная сложность. Хотя диссертант осторожно оговаривает, что речь идет всего лишь о противоречии с «принятой в Византии теологической нормой», конфессиональный подход в работе очень заметен. В предельной форме он мог бы обозначать, что диссертант пожертвовал научной объективностью ради доказательства «теологической истины», которая есть вненаучная категория. В данной работе автор удержался от скатывания в конфессиональную риторику, но этот край весьма заметен. Так, православные авторы именуется регулярно «о. NN», «протопресвитер NN», в то время как для западных и восточных употребляются эпитеты «католический», «ассумпционист», «францисканец» (почему не «о. А. де Аллэ» или «о. Э. Бек»?). Здесь также видна сложность с объективизацией научного дискурса, портящая впечатление от работы;

2. Диссертант указывает хронологические рамки IV-VIII вв., однако поздний период (VII-VIII вв.) практически никак не освещен в работе, за исключение полутора реферативных страничек, посвященных мар Исхаку Ниневийскому (в греко-слав. традиции - Исааку Сирину). Рамки можно было бы сузить до IV-VI в. без ущерба для содержания.
3. Называя различные церковные партии и группы сирийских христиан, автор широко пользуется полемическими конфессионимами (монофизиты, несториане), которые мало того, что являются гетеронимическими наименованиями, *никогда* не употреблявшимися для самоидентификации, но вдобавок они еще и отвергнуты современной академической традицией. Диссертант же (с. 6-7) пытается оправдать конфессиональный подход в этом вопросе, мотивируя отказ от научного консенсуса своим «несогласием», за

которым видна, скорее, греко-православная церковная лояльность и традиция дореволюционной православной церковно-исторической школы. То, что было допустимо во времена Болотова, сейчас выглядит как анахронизм. С одной стороны, указание на то, что Церковь Востока традиционно в старой науке именовалась «несторианской» - важный факт для истории самой науки, но в современной академической традиции эти конфессионализмы справедливо берутся в кавычки, хотя этого недостаточно, ибо эволюция научной терминологии есть такая даже часть прогресса науки, как и эволюция методики.

4. Постановка научной проблемы вызывает некоторые вопросы. Как пишет сам диссертант, А. де Аллэ не нашел «ничего гетеродоксального» (с. 119) в теологии Нестория, хотя сам он с этим не согласен. Возникает вопрос, что обозначает нахождение «гетеродоксального» в мысли писателя V в. Если имеется в виду противоречие с принятой в византийской церкви точкой зрения, следовало бы осторожнее выбирать формулировки.
5. Критикуя «апологетический подход» А. ден Аллэ и М. Анастоса, автор полностью игнорирует гиперапологетический подход Н. Селезнева, однако диссертант проявил в этом случае необъяснимую толерантность.

Лингвистические замечания. Диссертант непоследовательно и местами неисторически подходит к фонетике сирийского (что простительно историку, но портит впечатление от текста).

1. В тексте место «шва» обозначается как e , хотя в описываемую эпоху «шва» полностью пало и различие между «шва» и «нулем» нет. Исходя из этого, неверной представляется транскрипция $k^e tabā$, тогда как для КСЯ описываемой эпохи правильно $k tabā$. Реконструированное написание было распространено в старых немецких грамматиках, сейчас совершенно вышло из употребления как ненаучное. Если последовательно придерживаться псевдо-исторического написания, надо восстанавливать разницу между $ā$, a , \bar{a} и \hat{a} , которая к IV в. также была неактуальна;

2. То же касается транскрипции имен. Имя ܢܢܢܐ должно транскрибироваться как Һnānā или Хнана, но не как Хенана, ибо по закону редукции в предударном слоге возникает «ноль»;
3. Не соблюдена постановка геминированных согласных. Так регулярно ܐܠܗܐ передается как alāhā вместо allāhā, а ܡܠܬܐ как melṭā вм. mellṭā;
4. На с. 68 в слове ܥܝܡܐ неверная интерпункция: вместо *сйоме* поставлена *зкафа*.
5. На с. 76 некорректная формулировка: «в сирийском языке часто употребляется в сочетании с глагольными энклитиками для образования прошедшего времени притяжательных конструкций». Излишне указывать, что притяжательные конструкции не являются глаголом и «образовывать» прошедшее время не могут. Правильнее сказать, что в сочетании со вспомогательным глаголом ܐܘܡܐ в энклитической форме глагол ܐܘܡܐ может получать смысл претерита или футурума (ср. ܐܘܡܐ ܐܘܡܐ ܐܘܡܐ, «чтобы его не было»). Указание на притяжательность тут недостаточное и ergo ненужное.
6. На с. 202 слово ܦܪܥܘܦܐ передается как «парцопа», что противоречит фонематическому характеру ܦ. Вернее было бы написать «парсѡпа».
7. Транскрипция ܒܝܬ ܙܒܕܝܐ на с. 192 как Бет-Завдаие неверна, следует писать Бет-Забдай (или Бет-Завдай, если учитывать вариантное произношение, игнорирующее кластер, отменяющий спирантизацию, ср. арм. Ծաւղիք Ծավդեկ) (Thomas A. Carlson et al., “Beth Zabdai — ܒܝܬ ܙܒܕܝܐ” in The Syriac Gazetteer last modified January 14, 2014, <http://syriaca.org/place/39>).

Поскольку разбор теологических вопросов не является строго исторической проблемой, хотелось бы отметить следующее: диссертант разбирается в нюансах богословских споров, корректно излагает особенности позиций различных экспонентов богословских идей. В отношении мар Афрема хотелось бы отметить книгу «Юлиановский цикл» (М., 2008), в которой автором настоящего отзыва был дан очерк биографии, текстологии и идей этого писателя, так что ее неучет надо отнести к недостаткам изложения. В библиографии, вообще говоря, полной и подробной, не учтены несколько важных книг: J. Labourt (1910), R. LeCoz (1957), G. Pasini (2006, Муравьев, Кессель и др. (2016) и ряд других).

Оформление работы вызывает следующие претензии:

1. Поскольку работа написана не в рамках востоковедения, а в рамках истории средних веков, все сирийские термины было бы правильнее дать в транслитерации, оставив в арамейской графике только обширные цитаты.
2. Встречаются отдельные опечатки (с. 39: импеторов) и ряд др.
3. Местами (М. Fiey) сохранена латинская графика вопреки научному узусу.

Указанные недостатки и недоработки снижают общее позитивное мнение от работы, хотя и не влияют на конечный вывод. Представленная работа представляет собой важный труд по истории идей и интеллектуальной истории поздней античности на переходе от поздней античности к эпохе Халифата. Диссертант грамотно выделил точки расхождения, повлиявшие на поведение больших масс людей в эпоху, когда теологические концепции прямо переносились на поведение церковных общин, составляя базис их идентичности. Представленная работа выполнена в соответствии с требованиями ВАК Министерства образования и науки РФ от 24 сентября 2013 г. Считаю, что автор диссертации заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент

Доцент, кандидат исторических наук
(специальность 07.00.03),

Зав. Секцией Ближнего Востока

Школы Востоковедения

ФМЭМП Научно-исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

119017 Россия, Москва, М. Ордынка ул., д.17, стр.1, каб. 322

Научно-исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Факультет мировой экономики и мировой политики,

Школа Востоковедения

Телефон (495) 7729590-22690

Электронный адрес: amuraviev2@hse.ru

Муравьев Алексей Владимирович

Подпись заверяю

Исполнитель по кафедре
1-каб. Кошевой ЛР

